

рисующий погоду

опять двойка

Сергей Сафонов

Газета - 2005 - 10 июня - с. 25

Заметка о выставке Михаила Иванова, опубликованная **Газетой** в мае 2003 года, теперь числится в библиографическом списке, помещенном в только что изданном роскошном альбоме о творчестве художника. Выпуск книги стал поводом для организации очередной выставки Иванова — к сожалению, мемориальной — в залах Литературного музея в Трубниковском переулке, а также вечера памяти. Председательствовал живописец Павел Никонов, соратник Иванова по возникшей в самом начале 1960-х группе «Девять» и многочисленным экспозициям. А в заполненном до отказа зале было множество узнаваемых лиц — те, кто до недавнего времени, собственно, и составляли коллективный портрет столичного изобразительного искусства. Плюс искусствоведы, два-три журналиста и, разумеется, ни одной телекамеры.

Первая фотография в новой книге — Исаак Бабель с маленьким Мишей на руках. Автор «Конармии» и «Одесских рассказов» расстался с актрисой Тамарой Кашириной вскоре после рождения у них сына, и Михаил вырос уже в доме отчима, писателя Всеволода Иванова. На других снимках — Михаил с писателем Пришвиным, с Всеволодом Ивановым, с друзьями-художниками Юрием Злотниковым и Екатериной Григорьевой... Жизнь в писательском доме в Лаврушинском переулке по соседству с Третьяковкой, учеба сначала в художественной школе при Суриковском институте, а потом и в самом вузе оказались благоприятны для формирования личности живописца. Фальк и Почиталов были его учителями, но не меньшее влияние на Иванова оказали Сезанн и Руо, увиденные во время первой зарубежной поездки. В год смерти Сталина Михаил Иванов участвовал в выставке дипломных работ, в 1955-м — в первой выставке молодых художников столицы. Круг знакомых из поколения родителей на первых порах помог сформировать общественный интерес к выставкам авторов-единомышленников: Николай Андронов, Борис Биргер, Павел Никонов, Владимир Вейсберг, Михаил Иванов стремились переплавить в своих произведениях профессиональные достижения российского искусства первой трети XX века.

Иванов был одним из тех, чье имя поныне ассоциируется с определением «левый МОСХ», — так называли явление, хоть еще и не описанное искусствоведами, но чрезвычайно заметное на небосклоне послевоенного московского искусства. «Леваками» было принято именовать либеральное крыло столичного творческого союза, стремившееся если и не полностью избежать всякого взаимодействия с официозом, то все-таки перекинуть мостки между (страшно сказать!) формальными поисками художников из поколения «бубновых валетов», Тышлера, Лабаса и современностью. Правоту молодых «леваков» подтверждали обстоятельства художественной жизни. «Выставки, открытые в рамках Московского фестиваля молодежи

и студентов в 1957 году, дали всем возможность впервые соприкоснуться с интересами и новациями зарубежных художников от абстракционизма до сюрреализма, — пишет в новой книге об Иванове искусствовед и коллекционер Михаил Красилин. — Национальная американская выставка в Сокольниках в 1959 году познакомила советского зрителя с «крамольными» работами Джексона Поллока, Де Кунинга и других. Стало ясно, что по-старому работать уже невозможно».

Хотя если уж непременно искать корни ивановской живописи, то делать это следует не в американском, а в европейском искусстве. Доводилось и раньше цитировать слова художника: «Вихри хрущевской весны привели в движение не только наше молодое поколение, но и весь Союз художников, что способствовало консолидации сил: с нами были солидарны и Павел Кузнецов, и Лабас, Тышлер, Чуйков, Слоним... Этот энтузиазм был обусловлен инстинктом самосохранения, желанием, чтобы искусство выжило, сохранило свои традиции вопреки вновь усиливающемуся давлению реакции, которая не брезговала никакими политическими методами воздействия: доносами, клеветой, травлей». На вечере в Литмузее много говорилось о преданности художника в первую очередь московскому пейзажу; о том, что он «рисовал погоду». Однако экспозиция представляет Иванова с неожиданной стороны. Сугубо московской пленэрной масляной живописи в залах как раз и нет, на холстах явно преобладает Средняя Азия. Зато, в отличие от многих — в том числе прижизненных — выставок, художник неожиданно предстал в амплуа акварелиста и офортиста. Графике посвящена большая часть нынешней экспозиции; офорты и написанные в Латвии акварели во множестве воспроизведены в книге, и если наследие мастера позволяет преподносить зрителям такие сюрпризы, как знать, не окажутся ли следующий показ или публикация работ Иванова не менее уникальными.

В 1963-м, через год после знаменитого разгрома Хрущевым юбилейной выставки творческого союза в Манеже, московский горком КПСС «пригласил» столичных художников — поговорить о партийности и народности в изобразительном искусстве. Иванову тогда пришлось выступить в защиту свободы творчества, удостоиться отповеди партийного босса Поликарпова и на какое-то время уйти в тень, прекратить участвовать в заметных экспозициях. Только через десять лет групповая выставка с его участием открылась на отдаленной от центра Москвы улице Вавилова. Впрочем, в дальнейшем все сложилось неплохо: творческие поездки во Францию и Венгрию, Германию и Испанию; продолжительная работа в Израиле. За пять лет до смерти он успел получить звание заслуженного художника России, но гораздо важнее было действительное признание коллег по цеху... Жаль, что сейчас имя Михаила Иванова звучит очень негромко.